

ТВОРЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Феликса КУЗНЕЦОВА

СКОЛЬ ни многосложно хозяйство пишущего профессионально, особенно со столь завидной интенсивностью, как Феликс Кузнецов, в нем так или иначе ощутимо некое начало постоянства. Речь не только о темах, лейтмотивах или формуле, изысканной нравственной и эстетическое кредо того или иного писателя, — все это на протяжении лет может меняться, но прежде всего о чем-то первоосновном, глубинном, ради чего, собственно, и приходят в литературу, если приходят всерьез. Поэт красиво сказал о сокрытом двигателе, но ведь и двигатель в свою очередь чем-то питается. Да, да: должна быть там, внутри, какая-то электростанция, что ли, и ток ее ощутим в движении творческой мысли, хотя бы в развитии своем и ушла она от истока далеко.

Тот исток обозначается еще в детстве, во всяком случае, в «дописменные» писательские годы. И вот не обычным посвящением, а эпитафией к жизни в литературе прочиталось на титуле не столь давно вышедшего двухтомника избранных работ: «Моим родителям — Кузнецову Феодосию Федоровичу и Кузнецовой Ульяне Ивановне, народным учителям, коммунистам». Не только потому прочиталось, что на страницах книг, статей, очерков Ф. Кузнецова то и дело встречаешь учителя, наставника — реальную личность, как земляк-вологодца Арсения Васильевича Меньшикова, литературного ли героя, как айтматовский Дюйшен или ищущие путь к сердцу своих благополучных трудных питомцев педагоги В. Тендрякова. Учитель — это у Ф. Кузнецова высшее, почетнейшее определение самой литерату-

- Слово писателя есть его дело
- Подход один — классовый
- Родословная нашей идеи

ПОСТОЯННОЕ
НАПРЯЖЕНИЕ

ры, самого писательского дела на этой земле. «Писатель — педагог и проповедник, социальный борец и нравственный философ в одном лице», — замечает критик в связи с «трудными книгами» Григория Медынского.

Столь стремительны в нашей стране темпы общественного развития, что всякий поживший человек может сказать о себе: я — целая историческая эпоха. Земляки же Ф. Кузнецова за полвека перемахнули через несколько эпох. Критик вспоминает, что на его родине — в Кокшенинском (ныне Тарноском) районе Вологодской области — крестьянский быт еще к началу тридцатых годов сохранял черты даже не дореволюционного, а дореволюционного натурального хозяйства. Культурная революция пришла сюда в косоворотке сельского учителя.

Учитель на Кокшенин был воистину всем, что соединяло этот затерянный мир с духовной атмосферой строящейся социализма страны. Не имея формальной власти — впрочем, кулацкий обрызг в такие тонкости не вникал, — учитель лишь поведенческим словом и примером собственной жизни преобразовывал плотно слежавшиеся за века социальные отношения.

«Слово многое может! Тем более если это слово писательское. И хотя такой формулы в книгах и статьях Ф. Кузнецова впрямую не встретишь, она достаточно точно передает сверхзадачу и внутреннее напряжение его работы на протяжении уже свыше двадцати лет, если считать от первой книги «Каким быть... Литература и нравственное воспитание личности» (1962). Потому и нет ничего необычного в постоянстве интереса Ф. Кузнецова к книгам о молодежи, для молодежи. Его «Беседы о литературе», адресованные школьникам и вышедшие не одним изданием, служат примером нечестного в критике умения говорить с подростком о серьезных вопросах общественной жизни.

Любой разговор о нравственности, духовности, культуре, если критерием истинности слова не станет его способность побуждать личность увеличивать свой конкретный вклад в общенародное дело коммунистического строительства, рискует вырождаться в схоластический диспут.

Обозначив так еще одну высокую вольтажа смысловую линию, проходящую через статьи и книги Ф. Кузнецова, имею сейчас в виду не только его участие в недавних спорах вокруг делового человека — героя новейшей прозы и драматургии, постижение души которого, по мнению критика, невозможно вне поступка, деяния, социальной активности личности. Я сейчас о другом: принцип слияния духовного и практически жизненного начал, следования которому критика ждет от литературного героя, выглядит совсем иначе, веселее, что ли, если сам работник критического цеха следует этому принципу в своей жизни и работе. Конечно, «слово писателя есть его дело», но все-таки одно «дело», когда слово остается фактом сугубо внутрилитературным, и «дело» совсем другое, когда слово писателя непосредственно влияет на события «там», за цеховыми дверями.

В газете начинали многие критики, по-колесу на начальную глубинку и Ф. Кузнецов. Немало написал он о людях хороших, еще больше о безобразных (иные из этих очерков вошли в книгу «Размышления о нравственности», где, хотя и ушли в прошлое вызвавшие гневный писательский отклик факты, остался актуальным пафос неприятия духовного и душевного бескультурья). Спустя годы, уже маститым филологом с докторской степенью, Ф. Кузнецов не отказался, как большинство одинаково с ним начинавших коллег,

от практической журналистики: то едет спецкором за рубеж, то вмешивается в застарелый конфликт, вокруг Коктебельской бухты в Крыму. Пишет он с докторским знанием предмета и с молодой журналистской злостью.

Вообще Ф. Кузнецов редко берется за перо лишь ради «изложения» тех или иных взглядов. Заядлый спорщик, он никогда не полемизирует, так сказать, обзорно, умеет ценить в оппоненте силу и оригинальность доводов, искренность, придерживаясь в споре рыцарского обыновения старых русских критиков: подробнейшим образом, с длинными выписками из опровергаемого сочинения, разбирать взгляды оппонента.

Честное заблуждение сильного ума тоже принадлежит культуре, а культура хрупка, и если к чему-то критик понастоящему беспощаден, так это к сытой мещанственности.

Не хочет и не умеет проявлять цивилизованную широту Ф. Кузнецов к мещанству — к мировому, пытающемуся навязать нам потребительское отношение к жизни, или к доморощенному, с захлебом это отношение принимающему. Конечно, не в самом по себе уровне материальной обеспеченности дело — путь человека к вершинам духовности не имеет этих ступеней (об этом Ф. Кузнецов говорит в книге «Растут новые люди...» В. И. Ленин о проблемах нравственности), а в том, что «агрессия хватательных инстинктов» исключает тягу к высокому, мысли и мечту, культуру и совесть.

И в своей «прямой» публицистике, и в публицистике литературно-критической Ф. Кузнецов непримирим к любым попыткам мещанина обрести на нашей почве идейную опору или хотя бы внешнюю респектабельность (не парадокс и не противоречие, метко замечает критик, что мещанство может утверждать себя и в «антимещанском» романе). Непримирим он и к своего рода интеллектуальному попустительству мещанину. Пусть и в дискуссионном порядке, отдельные прозаики и критики говорили о безадресности нашего гнева: что, мол, все люди — человеки, что, изображая частную жизнь людей, их быт, вовсе не обязательно всякую минуту помнить о социально масштабном, бытийном... Нет, убежден Ф. Кузнецов, есть четкая и резкая, как лезвие бритвы, грань, отделяющая подлинного человека от мещанина, обывателя. До тех пор, пока материальные блага жизни ты рассматриваешь как необходимое условие подлинно человеческого существования, ты — человек. Но как только материальное благополучие из условия ты превращаешь в цель и смысл своего существования, ты — мещанин, обыватель, мелкий буржуа. Ты — раб вещей, ты бездуховен в своей основе и не пригоден для какого бы то ни было творчества...

Но, отмечая любую форму гипертрофии материальных начал как антитворческую, антидуховную по сути, Ф. Кузнецов — литературный критик и историк литературы — не приемлет и встречающуюся порой спекуляцию понятиями «дух», «духовность», «духовные ценности», когда при этом содержится их мировоззренческий, идейно-политический контекст, как в нашу эпоху, так и в прошлом. Прекрасно зная первоисточники, Ф. Кузнецов доказательно выступает против попыток вступить в сколько-нибудь конструктивный диалог с духом Вл. Соловьева или К. Леонтьева, Н. Бердяева или В. Розанова. С оправданной резкостью он вновь и вновь напоминает о необходимости классового, ленинского подхода к культурному наследию прошлого. История русской словесности нам весть дорога, да не всякому в ней равная часть.

В литературных дискуссиях последних

лет Ф. Кузнецов не устает напоминать о подлинной «родословной нашей идеи» (от названия его статьи 1980 года), о вечно живых заветах революционных демократов-шестидесятников, которых одно время взялись было поправлять по не самым живым страницам Гегеля и Канта иные современные литераторы, привыкшие «эстетически морщиться» при упоминании «Что делать?» Чернышевского и негодовать при имени Писарева и журнала «Русское слово». Опять-таки не входя в существо полемики Ф. Кузнецова с новейшими отголосками старинного «искусства для искусства», отметим лишь, что адресатов у этой полемики несколько, а пафос обращен отнюдь не в прошлое (хотя здесь и стоит обратить внимание на то, какая масса архивных документов и первопубликаций прошла через руки Ф. Кузнецова — исследователя публицистики наших 1860-х годов).

Важнейший же адресат — это известного рода интеллектуальное эпикурейство, заметное в немалом числе современных критических и литературоведческих работ. Когда молчаливо низводится жизненное, социальное, политическое в толкуемом тексте в ранг лишь сырья для художника. Когда замкнутость толкователя-профессионала в сфере «микротоэтики», «закрывать» анализ текста объявляются молчаливо — а иногда и во всеуслышание — единственно органичным и адекватным делу художника занятием, все же иное высокомерно оставляется критике непрофессиональной.

Так вот, многие и многие работы Ф. Кузнецова — весомый аргумент против подобного умонастроения, причем не только по своему содержанию, но и по своей, так сказать, эстетической стати.

Стремясь к полной ясности выражения (не в пример столь модным нынче шаманским прыжкам стили от сверхкадемизма к полублатному аргю), Ф. Кузнецов умеет не только доказывать, но и увлечь, заразить. Заражает напряженный темп его письма, наступательность интонации, заставляющая факты и даже цитаты из оспариваемых сочинений излучать в иной, нужной полемисту части эмоционального спектра, до иронии и сарказма включительно, заражает и намеренно скупая, не склонная к любованию собственными щедротами образность.

А посвященные революционным демократам — публицистам «Русского слова» Григорию Благовестову, Варфоломею Зайцеву, Николаю Соколову исследования Ф. Кузнецова читаются (несмотря на свою внушительнейшую научную обстоятельность, а скорее благодаря ей) как настоящий публицистический роман! Люди яркого таланта и мощного темперамента, они менее известны, чем звезды первой величины — Чернышевский, Добролюбов, Писарев, которым Ф. Кузнецов посвятил много точных, благодарных страниц, не раз подчеркнув, что В. И. Ленин считал революционных шестидесятников непосредственными идейными предшественниками Октября. И хотя многое из написанного ими ушло с эпохой, дух ее, пишет Ф. Кузнецов, сформировал гражданскую нравственность Ленина. А тем самым не может не вызывать нашего интереса, наше стремление учиться у них. Пусть в чем-то ошибавшихся, переклещивавших в максимализме. Но ведь был он исторически неизбежной платой первопродвиженцев идеи, не знавших и не признававших разрыва между нею и собственной жизнью.

...В своей книге «Беседы о литературе» Ф. Кузнецов говорит о «небывалой силе токе», идущем в наше сегодня от людей военного поколения, опоздавшего к революционным боям, но знавшего, что бой за Родину еще будет. И из «святых шестидесятых» идет этот ток, и из времени комиссаров революции и гражданской. В откликнувшейся, воспринявшей слово критика душе плавит этот мощный ток прежде всего всякие рамки, перегородки, услужливо воздвигаемые житейской осторожностью. Между словом — и делом, между знаниями — и убеждениями, между побуждением — и действием.

Леонид КОРОБКОВ

ВОРОНЕЖ